

25x

100

В. В. Сокирко

"Полемика с

"Известиями"

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СНИД — не честные карточки, а ОБМАННЫЕ ДЕНЬГИ и ЦЕНЫ.

Очень может статься, что людям будут навязаны чрезвычайные, не соответствующие обстановке решения. Скажем, карточная система.

... Сами талоны товаров не доводят. Кроме того, нехватки все же не столь катастрофичны, чтобы можно было оправдать жесткое нормирование. Зато карточная система передает человека во власть администрации... которая эти карточки будет распределять... Карточная система — лишь иллюзия облегчения, зато ее действие на экономику можно сравнить с действием СНИДа — проникает в организм совсем "не больно", развивается до определенного порога незаметно, но разрушает безвозвратно все защитные системы. Нужна ли нам такая смертельно больная экономика?"

М. Бергер "Состояние экономики...", "Известия", 20. 10. 1989.

Категорически не могу согласиться с отзывом советской ведущей газеты. Накануне принятия важных решений он, на мой взгляд, обладает повышенной общественной опасностью, ибо ставит совершенно неверный диагноз, лекарство называет ядом, а здоровье — смертью. С действием СНИДа/или более трагично — с чумой/ в экономике правильнее сопоставить инфляцию, порчу денег. Что же касается карточек, т.е. системы энергичного, полубесплатного или совсем бесплатного, совсем "коммунистического" распределения, то в истории она никогда не считалась болезнью, а предельным дополнением рыночного распределения в экстремальных условиях, средством спасения людей, не способных заработать себе на жизнь. Пособия на детей и детские дома, пенсии и дома для престарелых, пособия для безработных и инвалидов, помощь больным и бездомным, церковная благотворительность и широкая филантропия, полубесплатное образование и стипендии — и т.д. и т.п., цивилизованное и самое что ни на есть рыночное, даже буржуазное общество не может обойтись без таких бесплатных "коммунистических" форм распределения — не по трудовому результату, а по "карточкам".

Рынок же — это совсем иное. Это обмен совершенно независимых и, в том числе, обеспеченных производителей, озабоченных лишь конкуренцией, экономическим соревнованием, достижением наивысших результатов при наибольшей экономии собственных трудов. Никаких других задач рынок не решает и имею поэтому является главным /если не единственным/ орудием экономического прогресса. Например, производитель неконкурентоспособного товара на "рынке" "прогорает", за свой труд ничего не получит, причем его разорение, обнищание или даже смерть от голода никого на рынке не волнует (как и выбитие проигравшего из любой игры). Помощью в выживании разоренного должна заняться другая система распределения, например, государственной или церковной благотворительности. Без последних любое рыночное общество не выживает.

Впрочем церковь тоже не только спасала. Устами ап. Павла и святых отцов именно она провозгласила жесткое рыночное правило (в нашей стране почитаемое как завет социализма): "кто не работает, тот не ест". Но... куда денешься от необходимости спасти жизни детей и стариков, больных и всех, кто не способен трудиться, кто не может найти работу или потерпеть неудачу? И вот церковь кормит убогих и нищих. Но и общество пострадало и поступает также. Всегда, в години бедствий, когда на рынках нехватка необходимых для жизни товаров естественно повышает цены, делает их недоступными, обрекает на голод многих, в то время как богатые благодаря накопленным средствам могут даже не снижать свое обильное потребление — всегда общество в таких условиях отказывается от рыночного распределения и переходит к всеобщему нормированию продуктов — чтобы выжить смогли все, а не одни богатые. А когда снималась осада, появлялись продукты выше минимума, отменялись и общие карточки. И рынка это не подрывало.

Я думаю, что наша страна сегодня находится в таком же тяжелом, если не катастрофическом положении. Ее граждане много работают, но с точки

золото, л.с., пушнина, ...) позволяет закупать на мировом рынке хлеб-кормовые. Наш внутренний рынок дезорганизован бесконтрольным выпуском денег и государственной фиксацией цен, что лишает его возможности выставлять оценки полезности и эффективности предлагаемых товаров. Так что от понятия хорошей работы множество советских людей / и я в том числе / отучены давно и прочно. И если теперь всех нас перевести на рыночные, т.е. истинно экономические отношения, то мы не сможем сразу стать эффективными работниками, не сможем выжить и потому в переходный период нам обязательно нужны если не благотворительность, то карточная система распределения обширных дефицитных и необходимых для выживания товаров.

С другой стороны: только кардинальное упорядочение карточной системы и ее планового обеспечения позволит стать на ноги рыночной конкуренции, ибо защитит на первых порах массового потребителя от нынешних монополистов-производителей. Известно, что рыночный механизм начинает действовать лишь при развитой конкуренции производителей. Но последняя возможна лишь когда приходится бороться за потребителя, а за его спрос. Нынешний же наш потребитель, вынужденный отдать все, что имеет, за продукт любого качества - не способен стать арбитром в конкуренции, не способен противостоять монополиям нажиму. А вот защищенный минимумом жизненных средств за привычную государственную работу, наш человек может спокойно и взвешенно решать: выйти ли ему на рынок со своими предложениями рабочих рук или произведенных товаров, покупать ли ему на рынке товары по рыночной цене - или воздержаться, сидя на карточной снабжении.

Повторяю: рынок, это поприще состязавшихся трудов и талантов - может существовать в обществе лишь в сочетании с системой выживания не способных к состязанию, т.е. в нашем случае очень мощной упорядоченной карточной системой. Непонимание этого многими приверженцами рынка как раз и тормозит строительство рынка в нашей стране. Обычные их возражения о том, что карточная система - не стимулирует эффективный труд и дает власть государственным и общественным административным органам - основаны на недоразумении: 1) карточная система призвана не заменить рынок, а дополнить его и оградить от задач выживания, 2) в случае упорядоченного карточного или иного благотворительного распределения, функции распорядительных органов чрезвычайно просты, понятны и легко контролируются обществом, его печатью. А вот в случае нашей дефицитной экономики власть государственных распорядителей как раз и становится огромной и бесконтрольной.

Если я достаточно внятно пояснил представление о реальном совмещении в нормальном обществе двух систем распределения - рыночной и карточной (в идеологических терминах можно говорить о вечном сожидении двух естественных - буржуазного и коммунистического принципов), то теперь следует разобраться, что представляет собой наша существующая эконом. система?

Думаю, теперь не надо никому доказывать ее ложность - иначе зачем нужны было бы ее реформировать? Глубинным ее пороком, на мой взгляд, является ложность идеи огосударствления рынка, включая право государства бесконтрольно печатать деньги, отменяя их обратимость на золото или иностранную валюту. И право насильственно диктовать на рынке цены.

Не следует думать, что нынешняя наша система уникальна в истории. Со всем напротив. Соблазн печатания лишних денег / или порчи выпускаемых монет / у властителей возникает очень часто в монархиях - для удовлетворения собственных грехов, и когда они поддаются этому соблазну, а общество не может этому воспротивиться, то рынок начинает лихорадить. Фальшивые деньги - это подлинная чума для экономики, настоящий СПИД, потому что появившийся на рынке излишний спрос приводит к соответствующему росту цен, что позволяет отсеять от удовлетворения часть прежних потребителей, чтобы удовлетворить спрос тех, кого государство облагодетельствовало своими деньгами, на деле фальшивыми деньгами. Так и получается, что часть истинных тружеников оказываются вдруг в разряде разоренных неудачников, а государственные паразиты - в разряде уважаемых потребителей. Рынок портится, ибо к сожалению, не может отличить фальшивых денег от истинных.

Но еще большая ложь возникает, когда в попытке спасти вдруг разоренных тружеников и, часто под давлением их жалоб и требований, ^{государство} начинает в процесс рыночного ценообразования, пытаясь силой вернуть продавцов к прежним низким ценам. Ибо при этом товарам, доступным ^{государству} прос...

Хорошо еще, если государство сделает при этом третий логический шаг и начнет само распределять сами товары по карточкам и фондам — т.е. совсем отменит рынок, торговлю, экономику. Не будет ни экономии, ни стимула к труду, ни прогресса, но будет ли хоть какая-то уравнилельная справедливость и выживание. Динамичная экономика и будет какая-то ясность и честность. Хуже, когда государство не сделает этого завершающего третьего шага к отмене рынка и остановится на стадии дефицитной экономики, т.е. экономики ложных денег, ложных цен и неоправданной, ложной торговли.

Тут надо напомнить, что на рынке в принципе не может быть нехватки и дефицита благодаря балансирующей роли цены меняющихся цен. Если потребителей неожиданно становится больше и даже припасенных в округе товаров не хватает, цена товара начинает ползти вверх, уменьшая желания и финансовые возможности покупателей, снижая их спрос. А с другой стороны бойкая распродажа этого товара начинает привлекать к этому рынку других поставщиков и производителей своей повышенной ценой — стимулирует рост производства. В конце-концов на какой-то цене и объеме продаж баланс динамично устоит в равновесии. А вместе с ним сохранится и великое благо рынка — реальное изобилие, наличие на рынке любого товара, что так необходимо для любого динамичного и экономического хозяйства.

Конечно, в благотворительных целях государство может поддерживать на рынке низкий уровень цен на товары массового потребления — но не административными запретами высоких цен, а с помощью государственных распродаж по этим ценам и тем добиваясь рыночного равновесия именно на этом уровне. Конечно, рынок при этом деформируется, но не разрушается. Если же государство пытается удержать низкие цены — запретами, милицией, насилием, то спрос при этом будет явно превышать предложение. Возникает неразрешимый вопрос: как распределять дефицит? Когда прежний рыночный принцип: самым платежеспособным — отменен, а ясный коммунистический принцип: — всем нуждающимся по равным карточкам — не установлен?

Нам, конечно, хорошо известно, что прокламируется в этом случае: в порядке общей очереди (или как более точно выразился В.В. Новожилов в своей классической работе 1926г. про дефицитную экономику — "В порядке общей очереди"). Порядок этот, даже по своей идее крайне несправедлив и ложен, ибо случайно предоставив товар одним, он отрезает от него других может быть, самых денежных и трудоспособных, которым просто нет времени и способностей стоять по очередям. Напротив, у неработающих и малоспособных к труду гораздо больше возможностей, чтобы выстывать очереди, да еще и не один раз и набирать дефицитный товар по низкой цене, чтобы потом уступить работающим и денежным — но уже за повышенную, цену "спекулятивную" якобы цену. Так появляется, возрождается снова рынок, но уже в качестве спекулятивного, черного, запретного. Т.о. стихийно являясь распределение /якобы, "торговля" / дефицитным товаром разделяется /уравнилельное распределение /одни товар в одни руки в общей очереди / и на 2) черный рынок в последующих спекулятивных перепродажах, т.е. на свои естественные формы. Однако этому восстановлению мешает государственное насилие и именно закон против черного рынка.

Конечно, наиболее близкими и удачливыми покупателями в дефицитной торговле оказываются именно сами работники торговли, их друзья и родственники. Это естественно. В пределах они могли бы скупить /иной раз им это удается / скупить весь поступивший товар дефицитный товар и направить его на черный рынок по повышенной цене. Но если на вольном рынке повышенная прибыль влечет за собой расширение производства и поставок товара, то в нашем случае доход будет называться спекулятивным, незаконным и пойдет не на расширение производства, а на увеличение потребления торговцев-спекулянтов. К излишнему ипотребительскому спросу получивших от государства фальшивые /лишние / деньги прибавляется спрос увеличенный потребительский спрос спекулянтов, что еще больше увеличивает дефицитность продукции, а та — вызывает еще больший соблазн спекулятивных доходов. Раскручивается порочный чернорыночный круг, где рядовым гражданам достается все меньше товаров, а спекулянтам — все

Однако на уровне сознания этот конфликт черноморничиков и рядовых потребителей развивается не как классовый, где каждая группа людей считает себя правой, а как конфликт "честных потребителей" и "преступников-спекулянтов", хотя на деле тут обе стороны - неправы и даже в определенном смысле преступны: и рядовые потребители, получившие от государства на деле незаработанные, а фальшивые деньги /например, полученные в результате забастовок/ и черноморничники, следующие естественному на рынке инстинкту увеличения торговой прибыли, но не способные пустить эти деньги в производство - по вине запретительской системы. Как ни странно, но сами черноморничники искренне считают свою торговлю - преступной и тем закрепляют общенародный стереотип о преступности любой перекупки, т.е. нормальной рыночной деятельности. Народное сознание в этих вопросах окончательно запутывается и извращается до первоначальных основ. И спроси теперь любого: кто такие в старину были "честные купцы" и почему их перекупки считались самым честным делом, а не спекуляцией, вряд ли кто вразумительно сможет ответить.

Свои надежды люди возлагают прежде всего на государственное насилие против черного рынка. Чтобы пресечь притязания торговцев, милиция и ОБХСС все чем дальше, тем чаще проводят дефицитные продажи только под своим контролем и наблюдением - но это в конечном счете способно только расширить круг лиц, причастных к перекосам в распределении дефицита и умножения рядов черноморничиков уже за счет милиции или их агентов. Все мероприятия здесь безнадежны, все тут ложь и неправда.

Очень распространенная иллюзия - требование к государству, чтобы оно увеличило производство дефицитного товара, как "чтобы всем хватало". Но уже Новожилов в 1926г. убедительно показал неосновательность, ложность такой надежды, и странно, что его доводы до сих пор никуда не исчезли ни для некоторых экономистов. Новожилов объяснял просто: организация нового производства требует немалых финансовых затрат, требует привлечения новой рабочей силы, роста зарплаты, которые будут предъявлены на рынок в качестве нового спроса ~~иде~~ задолго до того, как будет налажено новое производство и в размере не меньшем, чем стоимость новых товаров. Так правило, любое новое производство ~~не только не уменьшает дефицита, но и увеличивает~~ временно снимает дефицитность того или иного товара, но увеличивает при этом дефицитность других товаров, и степень дефицитности всей экономики, углубляет ее общие болезни. Единственным выходом Новожилов считал переход на здоровые рыночные основания, т.е. вольные /коммерческие/ цены и свободно движущиеся деньги. И мне просто странно, почему о чем спорят сегодняшние экономисты, когда так очевидно: наша система дефицитной якобы торговли - наихудшая, наиболее жидкая и даже преступная из всех возможных, много хуже не только честного рынка, но и честных карточек.

Но почему так упорно защищают эту жидкую систему и "низы" и "верхи"? Почему ~~низы~~ ^{позитив} - понятие, повышенные рыночные цены грозят им нищетой, а карточки и благотворительность никому особой радости не доставляет. Но, еще понятнее, почему эту систему защищают ^{управляющие} "верхи" - именно им она обеспечивает наибольшую власть и возможности. Участвовать в нормальном конкурентном рынке они не способны, ясно, карточная система будет жестко контролироваться обществом и там не разживешься много, а вот нынешняя система несправедливости и произвола дает нашим чиновникам, не только торговцам /громадные возможности. Именно ее участие в ^{управлении} распределении, распределением позволяет иметь наибольшему не нуждающимся, а им нно начальству - и денежное проценты, и дефицитные машины, и ^{управление} бесплатные квартиры-дачи и прочий дефицит, да плюс еще немалую толику спекулятивных доходов из черного рынка.

Да как же отказаться от такой неимомерной власти и богатства?

Меня часто мучает мысль, насколько мы все связаны в этой жи. Вот почему в провинции идея всеобщей карточной системы намного более популярна, чем в столице, где о ней и слышать не хотят? Почему среди депутатов Верховного совета все увереннее набирает силу правильная мысль о необходимости одновременного оздоровления нашей экономики с помощью карточной системы для малоимущих и - нормального рынка с твердыми деньгами - для предпринимателей, а вот московская печать и ученые яростно ее отвергают, выстраивая очередные проекты и эксперименты по исправ-

-100-111

Почему именно Москва и ее верхи столь единодушно против выступают против уравнивания в карточках и легализации рынков со свободными ценами? Ответ, конечно, понятен, ^и я не постесняюсь его повторить открыто высказывать: Потому что Москва имеет в почти свободной продаже те дефицитные продукты и товары, которых давно уже нет в провинции даже по самой голодной норме. Недавно стало известно, например, что если на 1 москвича приходится продается в год по 150 кг мяса, (из них, правда около 50 кг увозят приезжие), то средняя головная норма мясная норма рядового центра - около 30 кг, а провинциальная в мелких городках и мелких селах вообще никакой нет нормы на дешевые продукты. И так примерно обстоит дело почти со всеми дефицитными товарами. Если прикинуть во сколько дефицитные товары дешевле в провинции дорожке при использовании рынками черными и полужелтыми кооперативными, чем москвичам, то мы представим очевидными эксплуататорами всей страны. И как не понять, что требование уравнивания в карточной системе всех нас, москвичей, в большинстве своем не только не устроит, но и возмутит; заставит искать любые "научные доводы и аргументы" против, лишь бы сохранить свое привилегированное положение... Но неужели нам не стыдно?

Я думаю, именно ~~и~~ привилегированное положение ~~москвичей~~ обязывает нас, москвичей, ставить вопрос о необходимости срочного преобразования нашей извращенной системы распределения дефицита в порядке общей свалки. Путем ее разделения - на упорядоченную карточную систему для работающих в государственном секторе и малоимущих - и легализованный вольный рынок на твердых деньгах и с гарантированным запретом для вмешательства в его дела государственного насилия.

Навсегда запретить два главных экономических СПИДа - порчу твердых денег и порчу рыночных цен можно только через болезненный процесс уравнивания москвичей и прочих привилегированных ~~и~~ советского народа на в общей карточной системе. Нам это сделать будет нелегко.

Но неужели мы не поступимся своим комфортом ради справедливости и будущего всей нашей страны?

31.10.1989г.

В. Сокирко

Москва, 109388,

ул. Гурьянова, 43-286

т. 354-13-21

Р.З. И еще одно возражение М. Бергеру в "Известиях".

Ввод карточек - совсем нелегко и не дает никакой иллюзии облегчения. Напротив, это очень горькое, ^и трудное решение, связанное с осознанием тяжелой реальности как в области нашей нищеты и неспособности к полной работе, так и в области степени нашего внутреннего неравенства. Это не иллюзия облегчения, а напротив - принятие горькой правды, что, например, реально произведено мяса у нас производится не 65 кг в год на человека, а лишь 25, ^{то} можно выдать по карточкам и, что неспособным к рыночной работе москвичам придется получать не 100 кг мяса, а лишь 25 кг костей. А все остальное будет зависеть исключительно от собственной способности быть полезным на рынке внутреннем и внешнем.

А самое главное: разделение нашей убогой якобы торговли на честное карточное распределение и легальный диким честный рынок потребует суровых санкций и государственной силы для отлучения от привычных "хищений и спекуляций". За попытку сломать воровством карточную систему придется карать суровыми карами и сроками а для их неуклонности нужна необходима устойчивая легитимная власть, способная заставить разбавленных казенщиной и анархией людей к жизни по средствам. И придется мы к не обязательно. Вопрос только - когда прийдем осознать ее необходимость? Сейчас? - Или пройдя через период полного экономического беззастенчивости?